

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора

Апанасенка Александра Вячеславовича

о диссертации Гамиловского Дмитрия Михайловича

«Положение старообрядческих общин в Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.», представленной на соискание учёной степени кандидата теологии по специальности 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие)

Прошлое русского старообрядчества давно рассматривается как важная составляющая отечественной церковной истории. За последние полтора столетия было написано немало интересных научных трудов, освещающих генезис и развитие старообрядческой культуры как на уровне отдельных регионов, так и страны в целом. Особенно популярной «старообрядческая» проблематика оказалась в первые десятилетия постсоветского периода, доказательством чему выступает множество защищенных диссертационных исследований и организованных в 1990-е – 2000-е гг. тематических конференций. Тем не менее, исчерпанной тему назвать нельзя. Внимание исследователей (как прошлых, так и нынешних) в первую очередь привлекали традиционные центры староверия (Русский Север, Урал, Сибирь, Поволжье, Москва с окрестностями). Регионы с небольшим старообрядческим населением попадали в фокус внимания специалистов реже, а в некоторых случаях прошлое староверов вообще осталось белым пятном в региональной историографии. Характерным примером в последнем случае выступает история старообрядчества в Смоленской губернии. Очевидно небогатая яркими событиями, она, тем не менее, тоже интересна, поскольку дает пример функционирования старообрядческой культуры в типично-провинциальном регионе, где «ревнителю старины» составляли весьма небольшую часть населения. Соответственно, диссертационное исследование Д.М. Гамиловского можно признать актуальным.

Представленная к защите работа отличается научной новизной уже в силу того обстоятельства, что является первым объёмным научным трудом, специально посвященным дореволюционному прошлому смоленского

староверия. Здесь впервые рассмотрены вопросы формирования регионального старообрядческого мира, его внутриконфессиональная структура, особенности взаимоотношений с гражданскими и церковными властями. Ряд архивных документов, отражающих соответствующие явления и использованных при подготовке работы, вероятно, введен в научный оборот впервые.

Вводная часть диссертации выглядит традиционно. Лаконично обоснована актуальность изучаемой проблемы, достаточно четко определены объект, предмет, территориальные рамки исследовательского поиска. При характеристике историографии Д.М. Гамиловский демонстрирует знакомство с классическими и современными трудами о прошлом «старой веры» и, одновременно, готовность рассматривать свой предмет в общероссийском историческом контексте. Правда, в случае с описание хронологических рамок исследования читатель сталкивается с некоторой неразберихой: во введении говорится, что они «охватывают события с начала XVIII в., от появления старообрядчества на территории Смоленской губернии, до Февраля 1917 г.» (с. 28), тогда как в названии работы отражен гораздо более узкий хронологический отрезок. Некоторое недоумение оставляет и характеристика методологии проведенного исследования. Здесь указывается на структурно-семантический и экзегетический анализ (с. 28), активное использование которого в работе не заметно (да и не логично в силу ее конкретно-исторического характера).

Источниковая база диссертации, также охарактеризованная во вводной части работы, смотрится достаточно солидно. Ее закономерно составили архивные материалы (из фондов смоленского губернатора, местного губернского правления и духовной консистории ГАСО, а также документы статистического характера из РГИА), документы нормативно-правового характера, статистические материалы, периодическая печать (прежде всего, конечно, «Смоленские епархиальные ведомости»). Совокупность этих источников выглядит достаточной для решения поставленных задач. Характеристика

научной новизны (с. 30) в целом дает представление о том, что именно изучал автор.

Основная часть работы поделена на четыре главы. В первой из них – «Отношение государственной власти к старообрядчеству в России в 1861–1971 гг.» – рассматриваются правовые нормы, регламентировавшие положение «ревнителей старины» в соответствующий период. Автор детально анализирует законодательство 1850–1870-х гг., менее пристально рассматривает правовые акты следующих десятилетий, затем подробно характеризует изменения в статусе старообрядцев после объявления вероисповедных свобод в 1905 г. Несомненно, что знание правовых рамок, задававшихся государством старообрядческим сообществам, необходимо для адекватного понимания истории последних. В то же время надо отметить, что развитие государственной политики в отношении староверов (в том числе развитие нормативно-правовой базы) довольно хорошо исследовано в науке. Поэтому, вероятно, можно было ограничить соответствующий сюжет компактным параграфом, поместив его в одну главу с сюжетами о фактическом положении старообрядческих общин Смоленщины второй половины XIX – начала XX в.

Во второй главе «Особенности старообрядческого населения Смоленской губернии» рассматриваются проблемы генезиса старообрядческого мира Смоленской губернии, а также даются сведения об основных направлениях староверия, представленных здесь в XIX в. В первом параграфе автор существенно выходит за хронологические рамки своей работы, касаясь событий XVI – XVII вв., однако в данном случае это выглядит оправданным: таким образом удастся раскрыть специфику духовной жизни смоленских земель на пороге Нового времени. Убедительно обоснован тезис о том, что жители пограничной территории, неоднократно попадавшие в разные церковные юрисдикции, не были сильно привязаны к той или иной обрядовой традиции, а потому относительно безболезненно отнеслись к церковным реформам патриарха Никона (с. 97). Другие авторские тезисы – о том, что старообрядческое население

здесь в конце XVII в. отсутствовало (с. 100), а общины «ревнителей старины» были сформированы за счет последующих миграций (с. 101) выглядят спорно. Как известно, в эпоху наиболее суровых преследований старообрядцев церковный раскол в большинстве случаев существовал в России латентно (верующие использовали старые обряды, но не афишировали это и не противопоставляли себя господствующей Церкви) – такая ситуация вполне могла иметь место на Смоленщине. Миграции же староверов в конце XVII – первой половине XVIII вв. осуществлялись прежде всего в регионы малозаселенные (где имелись свободные земли) либо за границу. Кстати, о наличии «коренных» старообрядческих общин в Смоленском крае косвенно свидетельствует и внутриконфессиональное многообразие местного староверия в XIX в. (речь идет о разных течениях поповщины и беспоповщины), охарактеризованное автором далее (с. 107–113).

Третья глава «Развитие старообрядчества в Смоленской губернии в 1861–1917 гг.» посвящена конкретным фактам жизни местных старообрядческих общин, развивавшимся в условиях общественной модернизации и менявшегося внутриполитического курса. Так, здесь можно прочесть о постепенно возраставшей численности староверов (обусловленной, очевидно, прежде всего естественным приростом), о взаимоотношениях с окружающим населением, священнослужителями Православной Российской Церкви, местными властями. Во втором параграфе говорится об официальной регистрации староверами собственных религиозных обществ. Также уделяется внимание отношению «ревнителей старины» к образованию, учащавшимся случаям отказа от традиционного изоляционизма и т.д. Главу украшает довольно большое количество цитат современников, почерпнутых автором из «Смоленских епархиальных ведомостей» и архивных документов.

Наконец, в четвертой главе («Миссионерская деятельность Смоленской епархии среди старообрядцев в 1861–1917 гг.») автор сосредотачивается на анализе «внутренней миссии» смоленских епархиальных структур в

отношении местного старообрядческого мира. Им характеризуются основные направления соответствующей работы (публикации в периодической печати, миссионерские беседы и диспуты, ограниченное распространение единоверия как формы церковного объединения), указывается на роль в ней личностного фактора (пример – деятельность прот. Я. Брянцева, с. 168–174). Любопытен авторский вывод о том, в начале XX в. внутренняя миссия на Смоленщине «разительно отличалась» от аналогичной деятельности в других епархиях Православной Российской Церкви (с. 185). Отчасти в работе причины этого явления объяснены – они были связаны с немногочисленностью и «спокойствием» местных старообрядческих общин. Впрочем, думается, действовал и субъективный фактор: можно предположить, что миссионерской работой здесь занимались не самые увлеченные священники.

В заключении диссертации даны выводы, в целом соответствующие содержанию глав. Список источников и литературы, представленный далее, выглядит достаточно внушительным. Украшают диссертацию помещенные в приложении таблицы с данными о численности смоленских староверов и представителей иных религиозных меньшинств в разные годы (с. 222–238).

Признавая достоинства работы Д.М. Гамиловского, необходимо обратить внимание и на некоторые ее недостатки. Кроме уже высказанных замечаний, отмечу следующее.

Во-первых, некоторые формулировки выносимых на защиту положений выглядят противоречиво. Так, автором говорится, что «увеличение численности старообрядцев происходило не только за счет естественного прироста, но и за счет переходов православных верующих в старообрядчество» (с. 30) и в то же время отмечается, что местные старообрядцы «никогда не занимались активным прозелитизмом» (с. 31). Далее утверждается, что «тесное сотрудничество и связь с Православной церковью не позволяло государственной власти отступить от прежних позиций в отношении старообрядчества» после 1905 г., но при этом «местные органы власти стремились отстаивать права

различных вероисповеданий, в том числе и старообрядцев» (с. 31). Эти противоречия оставляют читателя в состоянии некоторой неопределенности в отношении авторских выводов.

Во-вторых, работа не свободна от некоторых терминологических неточностей. Например, в диссертации говорится, что в разные эпохи «отношения ... Русской Православной Церкви и *Русской Православной Старообрядческой Церкви* складывались по-разному» (с. 4), однако последняя официально появилась только в 1988 г. и при этом представляет лишь часть старообрядцев-поповцев. Что, пожалуй, более существенно – автор часто использует слово «раскольники» без кавычек (с. 37, 48, 52, 60, 61, 63, 67, 70, 71 и т.д.), вероятно, попадая «в плен» дискурсивных особенностей источников XIX в. Этот термин, использовавшийся «противораскольническими» миссионерами, имеет негативный смысловой оттенок. Как справедливо указано в диссертации, в России на государственном уровне было решено отказаться от него еще в 1905 г. Думается, что более научно выглядело бы использование нейтральных терминов (старообрядцы, староверы, последователи «старого обряда» и т.д.).

Высказанные замечания могут рассматриваться в качестве пожеланий автору для будущей работы, если таковая запланирована. Оценивая имеющийся текст, можно сказать, что, несмотря на отмеченные недостатки, он является результатом значительного исследовательского труда и способствует ликвидации историографического пробела, связанного с историей староверия на Смоленщине до 1917 г. Очевидны и возможности практического использования результатов проведенного исследования: они могут быть привлечены в процессе преподавания ряда учебных дисциплин (по церковной истории, истории Смоленского края, истории старообрядчества и т.д.), окажутся полезными при написании соответствующих учебных пособий. Материалы диссертации должны быть интересны представителям Русской Православной Церкви и государственных структур, занятым вопросами координации межконфессиональных отношений.

Диссертация «Положение старообрядческих общин в Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.» является самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой, отвечающей требованиям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции 01.10.2018, с изменениями 26.05.2020), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор, Гамиловский Дмитрий Михайлович, заслуживает присуждения искомой степени кандидата теологии по специальности 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Официальный оппонент:
ведущий научный сотрудник отдела истории
Института научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
доктор исторических наук, профессор

А.В. Апанасенок

21.03.2025г.

Автор отзыва: Апанасенок Александр Вячеславович
Ученая степень, звание: доктор исторических наук, профессор
Специальность: 07.00.02 – Отечественная история
Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Должность: ведущий научный сотрудник отдела истории
Почтовый адрес: 117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21
Раб. телефон: 8(499) 124-35-78, e-mail: apanasevich@yandex.ru